

СНЕДЪ КОЩЕЕВА

АЛЕКСАНДРОВА Н.

Нина Александрова
Снедь Кощеева

«Автор»

2026

Александрова Н.

Снедь Кощеева / Н. Александрова — «Автор», 2026

Еще утром Весняна была наследницей престола Залесского княжества. А вечером узнала, что отец годами растил её на убой. Судьба удела — сгинуть во льдах. Сдержат зиму способна лишь жизнь Весняны: ей предстоит сто лет угасать за прялкой ради тепла на родной земле, а после смерти — стать безвольной невестой Кощея в Нави. Но княжна выбирает третий путь. Она сама шагнет за черту миров и заставит древнее зло принять её условия. Пройти сквозь проклятые чащи к границе Яви и Нави ей помогают двое: преданная сестра-богатырша Стояна и непреклонный волхв Мстивой, который должен был поймать беглянку, но выбрал защитить её волю. Но до Нави еще нужно дойти. Впереди — глухие леса, зыбкие топи, где каждый шаг может стать последним, и нечисть, чующая живую кровь. Весняна готова переписать судьбу, но сперва ей придется выжить на дороге, откуда никто не возвращается прежним.

Содержание

Глава 1: Княжнина доля	5
Глава 2: Обрывки дара	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Нина Александрова

Снедь Кощеева

Глава 1: Княжнина доля

Последний осенний луч медленно сползал по расписной стене светлицы: яркие птицы и диковинные цветы в золотом свете казались словно живыми. Сумерки, густые и влажные, уже напоздали из углов, забирались под лавки, липли к потолочным матицам.

Весняна Всеславна сидела у красного оконца, но не глядела на потухающий мир. На коленях ее лежала стопка сшитых между собой липовых цер, испещренных письменами из «Летописца Заповедных Случаев» – толстой кожаной книги в деревянных застежках, что хранилась в железном сундуке под её кроватью. Она водила подушечкой указательного пальца по строчкам, беззвучно шевеля губами.

«...и придоша Навьи тени къ Смородине-реке, и гласъ издаша тонокъ и жалостень, аки комариный пискъ в ночи...»

Она читала не для утешения – «Летописец» был её учебником, долгом и тяготой с тех пор, как волхв Квасимир признал в ней дар колдовской. Князю её рода строго полагалось знать три вещи: ткать лицевую и закладную ткань, вести счёт казне по счетным доскам и читать знамения в старых текстах. Третье было самым важным.

Она дочитала до красной строки и отложила цер. Тьму в светлице разгонял лишь слабый огонь очага. Да в углу, подле резного чура домового, теплилась лампадка перед медным складнем с ликом Богородицы. Эту чужую святыню, как и толстую книгу Ветхого Завета, когда-то привезла из дальних земель её мать — чужеземная царевна Мария, умершая в родах. Старая служанка Адаса, пока была жива, учила юную княжну грамоте по тем чужеродным свиткам. Христианская вера в девочке так и не прижилась — на их суровой земле не верить в Навь было прямой дорогой в лапы смерти. Сам князь строго-настрого запретил дочери молиться чужому Богу, но отнять вещи покойной жены, по которой тосковал до черных дней, так и не посмел — оставил дочке на память.

За дверью в сенях заскрипели половицы, Весняна сразу узнала эту тяжелую размеренную поступь, которую не спутать с лёгкой девичьей или торопливым топотом служивых. Весняна не шелохнулась, лишь прикрыла глаза.

В светлицу вошёл князь Всеслав Миронович, её батюшка. Весняна бросила взгляд на его плечи и внутренне подобралась: отец был при полном параде. Вместо привычной мягкой домашней рубахи на нём синела парадная свита из плотного привозного сукна — короткая, скроенная вольно, чтобы не стеснять шаг. Её туго перетягивал боевой кожаный пояс с золотыми бляхами. Поверх свиты князь набросил тяжелое корзно — багряный плащ, подбитый соболем.

Весняна знала, как батюшка не любил весь этот золочёный блеск и душные меха. Богатырская кровь грела его так, что он и в лютый мороз мог ходить нараспашку, презирая боярское щегольство. Но сейчас на его правом плече блестела массивная золотая фибула, удерживая складки плаща. Это означало одно: прибыли гости, перед которыми князь обязан был явить всю мощь своего стола.

Борода его, седая и густая, как старый мох, лежала на груди двумя плетениями. Лицо, когда-то, говорят, видное, теперь напоминало дубовый чурбан, изъеденный временем и заботами. Глаза — светлые, холодные, обвели светлицу и остановились на дочери.

— Вставай, дочь, — сказал он, и голос его был глух, словно доносился из-под земли.

— Батюшка, — тихо отозвалась Весняна.

Обычай требовал встать и поклониться в пояс, но в её жилах застыла упрямая тяжесть — она еще злилась на отца за вчерашний несправедливый выговор и наказ три дня безвылазно читать летопись. Сглотнув горечь, Весняна медленно поднялась с лавки, но спины не согнула:

— Что повелишь, князь?

Князь не ответил сразу. Его взгляд скользнул по керам на лавке, по девичьему станку с неотканным полотном, по сундуку с приданным в углу. Всё было обычно, но взор его посуровел, помрачнел, и Весняне было не понять, отчего.

— Следуй за мной. Ягиня ждет, — бросил он коротко и развернулся, выходя в сени.

Сердце Весняны пропустило удар, а затем бешено заколотилось в самое горло. Ягиня. Живое воплощение Хозяйки Порубежья, плоть от плоти самой Нави. Они никогда не приходят в терема живых просто так. Если Яга прислала сюда свою добрую бабу, сотканную из навьего тумана, значит, случилась беда, которую не залить кровью и не исправить заговором.

Сдержав вопросы, Весняна лишь крикнула службе принести её парчовый опашень на куньем меху да кованный серебряный венец. Ей хотелось прибрать тяжелые волосы, в которых уже покалывала, просыпаясь, колдовская Ярь, но прятать косу под глухой чужеземный платок она не собиралась — не перед гостями Нави.

Вскоре они уже шли по длинным, тёмным переходам княжьего терема. Под ногами мягко поскрипывали сосновые половицы, пахнувшие смолой и сыростью. Из-за дверей доносились обрывки разговоров, запахи жирного ужина, плач младенца из челядной. Обычная, мирная жизнь, но Весняна шла сквозь неё, как призрак. Неясный страх сжимал сердце, будто стальными тисками. «Быть беде», — только и билась в голове мысль.

Они минули и парадную гридницу, и гостевой терем, спустившись вместо этого по крутой лестнице в подклет. Князь не повёл её к кладовым с припасами, а двинулся дальше, в самую глубь и сырость подполья, пока не остановился перед массивной дубовой дверью, окованной полосами железа. На потемневшем дереве было выжжено «Навьё око» — переплетение трёх треугольников. Клеймо, которое её род использовал только для самого страшного.

Князь навалился плечом и отворил дверь; та поддалась со скрежетом, волочась по земляному полу.

Внутри уже ждали. Маленький покой встретил их тяжёлым духом: пахло сухими травами, старым воском и чем-то ещё — сладковатым, приторным запахом тлена. Эту удушливую волну не могли перебить даже дымящиеся в углу курильницы с полынью и зверобоем. От затхлой сырости и кадильного чада у Весняны мгновенно заложило виски. Сердце заколотилось ещё сильнее. В центре каморки стоял простой деревянный стол, а на нём — открытая коробья, окованная потемневшим серебром.

Рядом, на лавке, сидела баба в тёмном платье, с лицом, изрезанным морщинами глубже, чем борозды на весенней пашне. Весняна затаила дыхание, узнав её. Бабка Костяница. Старая знахарка, проводница душ и одна из немногих Ягинь, что годами безвылазно жили в Яви среди людей. Старуха что-то шелестела над глиняной чашкой с тлеющими углями, но умолкла, стоило им переступить порог. Её глаза, мутные, будто затянутые белёсой плёнкой, медленно усталились на княжну.

Князь подошёл к коробье.

Смотри, дочь, — сказал он, и в его голосе впервые зазвучало нечто, похожее на усталую жалость. — Смотри и понимай.

Он достал из коробьи предмет, завернутый в кусок тонкой, пожелтевшей от времени холстины, развернул и положил что то на стол. Весняна приблизилась вглядываясь, и почти отшатнулась с ужасом — на столе лежала кукла, да непростая.

Она была сшита из потемневшего льна, набита, судя по запаху, сухой полынью и крапивой. Но лицо... Лицо было вышито с такой чудовищной, болезненной тщательностью, что Весняна узнала его сразу — не раз видела на парсунах предков. Тонкие, строгие брови, высокие

скулы, знакомый изгиб губ и крошечная родинка над левым веком. Это было лицо прабабки Добронегги, второй княгини их рода и последней ткачихи с колдовским даром, что ушла за кромку ровно век назад, прожив до того больше сотни лет.

А платье... у нее, княжеской дочери, никогда не было кукол одетых так красиво. Маленькие роскошные одежды былых времен были точной копией настоящих — каждый орнамент, каждая жемчужинка аккуратно вышиты неизвестными мастерицами.

Нижняя сорочка была сшита из тончайшего, пожелтевшего от времени византийского шёлка, её широкие рукава перехватывали у запястий крошечные литые кольца наручей. Поверх сорочки красовался алый праздничный наверхник из тяжелой парчи. Подол его был усыпан мелким речным жемчугом, а грудь закрывали богатые бармы. Тряпичные ножки украшали сапожки из мягкого червлёного сафьяна с тиснением, а прикрывала наряд искусная соболиная шубка.

Тонкие пряди настоящих волос куклы были сплетены в одну тугую косу, а голову венчала высокая коруна — девичьей венец, сплошь сажённый жемчужными зёрнами, с которого к плечам спускались золотые рясны с крошечными колтами.

Залюбовавшись, Весняна на миг забылась, но вдруг поняла: наряд — точная копия того, в котором Добронегу похоронили, о чем сказано в «Летописце». Весняна особо тщательно помнила его от того как тогда удивлялась — почему вдову хоронили в девичьих одеждах невесты на выданье. Квасимир тогда от вопроса отмахнулся, мол, подрастешь — узнаешь.

Теперь эта кукла словно живая будто смотрела на нее своими глазами нитками. Но самое страшное другое — грудь тряпичной фигурки, в самое сердце, было воткнуто пять длинных, тонких игл. Они почернели от старости, но острия их блестели в свете лампы зловещим, живым блеском.

Знаешь, что это? — спросил князь.

Наветная кукла, — прошептала Весняна. Голос ей изменил. — На порчу и смерть.

Нет, — вмешалась Бабка Костяница, её скрипучий голос заполнил маленькую каморку. — Не на смерть, дитятко. На жизнь долгую-предолгую. Это — Снедь Кощеева.

Весняна вздрогнула и сердце словно ледяные тиски сжали. Только Яга да ее Ягини могли позвать Навьего Бога по имени и не накликать беду.

Каждая игла, — продолжала старуха, тыча костлявым пальцем в куклу, — это год жизни, что прабабка твоя Добронегга отдавала супротив воли. Иглу втыкали чрез нее нить тянули из самой Яри и в клубок вплетали. Чтоб спал Бессмертный, не просыпался, а род твой — жил и земли этого удела, чья доля стать безжизненной ледяной пустыней, были плодородны и многолюдны. А она здесь, круглый год в терему пряла нить, в самую длинную ночь напитывала нить силою жизненной. И так сто годов. А Кощей сто годов клубок разматывает и пока держится цикл на землях княжества царит весна.

Князь взял куклу в руки. Казалось, тряпичное тело ещё хранило остатки тепла.

В Нави шевеление, дочка, — сказал он, и теперь в его голосе звучала неподдельная, звенимая усталость. — Знаки все налицо: реки вспять пошли, иней на могилах в летнюю пору выступил, тени у погостов в полночь говорящими стали. Кощей просыпается — волхвы скажут, после зимнего солнцестояния совсем очнется. Удержать его можно только одним — новым клубком. Новой Снедью.

Он посмотрел прямо на Весняну. В его ледяных глазах она увидела не отцовскую любовь, а расчёт правителя, готового отдать меньшее за общее счастье. Ее.

Дар в тебе проснулся, да посильнее, чем у Добронегги, а значит быть тебе следующей пряхой. Ты начнёшь через седмицу, после зачина новой луны, а силу в пряжу вольешь в день зимнего солнцестояния. Будешь прясть его в своей светлице. Год за годом, нитка за ниткой. Пока... — Он запнулся, впервые за всё время. — Пока не закончишь.

«Или не умрёшь», – закончила про себя Весняна. Она смотрела на иглы, торчащие из груди тряпичной Добронеги. Представляла как её собственная жизнь, её молодость, её мечты о мире за стенами терема превратятся в годы за прялкой. Спина ее согнется от старости, глаза ослепнут, а она все будет день за днем, год за годом тянуть пряжу из собственной души. Она станет живым памятником, вечной княжной в башне, о которой будут шептаться, но которую никто не увидит.

А если... если я не смогу? – спросила она, и её собственный голос показался ей чужим, тонким, как паутина.

Сможешь, — безжалостно отрезала Бабка Костяница. — Родовая кровь обяжет. А не захочешь... — Она кивнула на куклу. — Иглы в тебя воткнут. И пойдёт сила твоя помимо воли, да только быстрее кончится и большее будет. Прабабка твоя пять годов противилась, но после в разум вошла и долг исполнила.

— Батюшка! — Весняна не могла поверить в услышанное. — Но как же? Я ведь наследница твоя, дочь твоя, неужто такую судьбу ты мне уготовил? Что же будет со мной, с княжеством?!

Княжна схватила его за рукав свиты, обратила к нему испуганное молодое лицо, но ничто в князе не дрогнуло. Только холоднее посмотрел, отдернул руку.

— Оставь, Весняна, будет тебе. Жениха тебе найду справно, как обещал. Он княжеством будет править, дитяток народишь — всё как у всех. Это твой долг перед родной землёй, перед Явью и Правью. Отправляйся в покои, наказание твоё не отменяю. А говорить боле не о чем. Князь завернул куклу обратно в холстину, с нежностью, которой Весняна никогда от него не видела. Положил в коробью, закрыл крышку.

Князь завернул куклу обратно в холстину, с нежностью, которой Весняна никогда от него не видела. Положил в коробью, закрыл крышку.

Готовься, дочь, — добавил ей с привычной строгостью. — Через седмицу волхвы придут. Ты знаешь, как прясть, а остальному научат, когда придет время.

Он вышел, не оглядываясь. Бабка Костяница ещё посидела, что-то бормоча над своей чашей, потом поднялась и, ковыляя, вышла за ним, притворив не до конца тяжелую дверь.

Весняна осталась одна в тёмной, пропахшей смертью комнате. Она стояла, не двигаясь, прижимая похолодевшие ладони к лицу. В ушах звенел гул, перед глазами плясали мутные пятна — то ли от духоты, то ли от накатившей дурноты.

«Нет».

Мысль возникла не сразу. Сначала был просто ужас, животный, парализующий. Потом — горечь, а за нею тихая ярость. На мир, на бездушную мудрость Ягини, на Кощея, посеявшего зло на ее земле и, наконец, на отца, отдающего родную дочь на съедение. Сто лет ее увядания за сто лет покоя!

Нет! Она не станет покорной Добронегой, не будет сидеть взаперти, словно живой мертвец и потомки ее не будут!

Она медленно отняла ладони от лица. Взглядом зашарила по комнате и увидела на столе, рядом с местом, где лежала коробья, маленький, забытый предмет. Ножницы. Обычные, для кройки, с тупыми концами, но острыми лезвиями. Кто-то из челяди, должно быть, оставил, когда подготавливал ритуал Костяницы. Весняна прижала к груди холодное железо — сгодится отбиться от слуг если посмеют удерживать.

Она вышла из подклета, поднялась по лестнице в свои покои. В тепле светлицы, озноб бивший ее от страха поутих. Дрожащий свет очага озарил знакомую с детства обстановку: станок, сундук, лавки, книги. Место, где она провела свое отрочество, предавалась девичьим мечтам, училась счету и буквам.

Прежде это была любимая светлица княгини-матушки с самым красивым, резным оконцем и стенами, сплошь покрытыми ликами чужеземных заступников — её покойная матушка

Мария специально выписывала с родины искусного византийского изографа. Старые слуги сказывали, будто княгиня любила подолгу разглядывать их, перебирая нежные струны на кинноре, привезённой с родины.

А теперь эта светлица, хранившая самые тёплые воспоминания, станет ей холодной тюрьмой.

Она подошла к станку и взяла в руки ширинку — каждую нить она ткала своими руками, каждый оберег и узор вышивала тщательно, с мечтою в сердце. Садилась за рукоделие и всё грезила о молодце удалом, будущем женихе.

Всё представляла, как посмотрит в глаза ясные, глубокие и протянет этот плат. И будет пир на весь мир, будет свадьбу гулять всё княжество Залесское три дня и три ночи.

А теперь что ей остаётся? И жених будет, и пир горой, и детки народятся здоровые. Расцветёт княжество под рукой следующего князя, выбранного её батюшкой, вырастут сыны и дочери — один другого краснее. Пока она взаперти все глаза выплачет, глядя на мир лишь из оконца.

Восемнадцать лет она жила княжной, наследницей, её готовили занять место княжеское после отца, зная о том, что дар её — не милость предков, а погибель. Сердце на части рвало от мысли, что князь, всегда суровый, но всё же родитель, годами растил её как свинью на убой, затуманивая глаза иной судьбой.

В следующий миг без колебаний поднесла Весняна ткань к пламени лампы. Огонь лизнул край, и запах горелой нити заполнил светлицу.

Весняна смотрела, как пламя пожирает узор, как коробятся и чернеют нити, как рассыпается пеплом её «долг» перед родом, её «девичье счастье». Она чувствовала, как вместе с тканью в её душе рвётся что-то важное — последняя тонкая нить, связывавшая её с жизнью послушной княжны. Она бросила горящий лоскут в очаг, где он вспыхнул и мигом догорел.

В передней послышались шаги. Быстрые, твёрдые, уверенные. Весняна замерла, не узнавая. Богатырская поступь сотрясла бы терем, гридней по звону кольчуг издалика слышно, челядь так не топает.

Внезапная догадка пронзила её — неужели волхв?! Князь говорил, что придут к ней волхвы-чуровцы через седмицу. Видно, поторопились, чтоб не сбежала.

В дверь постучали три раза твёрдо, неумолимо.

Княжна Весняна Всеславна! По слову отца твоего и воле совета волхвского! Отвори!

В мужском, молодом, но лишенном юношеской мягкости голосе звучала сталь, знание своей правоты. Волхв-чурове — её тюремщик.

Весняна не ответила. Её взгляд испуганно заплесал по углам светлицы. В голове тревожно металась мысль в поисках спасения, но бежать было некуда — из комнаты не было другого выхода. Паника захлестнула её, заставляя пятиться назад, к очагу. На ходу она судорожно нащупала под одеждой и выхватила тяжёлые ножницы — просто чтобы в руках было хоть какое-то железо, хоть какая-то защита. Она замерла у догорающих углей, тяжело дыша и не сводя глаз с дубового полотна.

Дверь содрогнулась от мощного удара и старая древесина затрещала. Замок не выдержит ещё двух таких.

[1] Цера — древнерусская деревянная (реже костяная) табличка с углублением, заполненным воском. Использовалась для письма и обучения грамоте.

[2] Волхвы — в древнерусской традиции служители дохристианских языческих культов

[3] Опашень — это старинная русская верхняя летняя одежда свободного кроя. Наряд носился внакидку («на опашь») и никогда не подпоясывался.

[4] Гридница (гридня) — это большая парадная палата в древнерусских княжеских дворцах (IX–XVII века), где жила княжеская дружина (гриди), а также проходили пиры, сборы и приемы

[5] Бармы — шитое золотом драгоценное оплечье

[6] В этом мире ярь — внутренняя сила, имеющаяся у живых колдунов, колдуний и волхвов.

[7] Киннор — древнееврейский музыкальный инструмент.

Глава 2: Обрывки дара

Второй удар в дверь прозвучал как громовой раскат. Дубовая доска, окованная железом, прогнулась, и щель между косяком и полотном стала шире. Весняна отшатнулась, сжав в руках ножницы так, что костяные рукояти врезались в ладони.

Княжна! Последний раз говорю – отвори добром! – прогремел голос из-за двери. Теперь в нём не было ничего, кроме приказа.

Добром? Какое могло быть добро в заточении на сто лет? Весняна окинула взглядом светлицу. Оконце – широкое, должна пролезть, а иного пути и нет только через ту самую дверь, за которой стоял её страж. Только прыгать боязно, да и не успеет, волхв вот-вот высадит замок!

Или... нет.

Её взгляд упал на очаг. Угли ещё тлели, и среди них чёрным пеплом лежали остатки её платка. Она сожгла работу, но не дар – ее живая пряжа сама суть ее жизни. И хотя ее учили вливать силу лишь в узоры, вышитые на грубой ткани, но она сама искусная мастерица и знает, что надо делать. Тонкая, дрожащая нить страха и ярости, которая пульсировала у неё под кожей, просилась наружу. И получить ее без веретена и прялки можно только одним способом.

Третий удар! Добротное дерево несмотря ни на что выдержало, железный замок прогнулся сильнее и сквозь открывшуюся щель Весняна могла видеть нечеткий мужской силуэт.

Весняна заткнула ножницы за пояс — не до них. Страх сковывал, но княжна понимала, что сейчас это ее единственный шанс на спасение. Если и это не поможет...

Тряхнув головой она бросилась к очагу, упала на колени и, не раздумывая, сунула обе руки прямо в огонь, едва не поджигая широкие рукава опашня. Боль пришла мгновенно, острая и жгучая, но за ней и другое – пылающее, из которого полезло что-то тонкое и колючее. Её ярь рожденная из гнева, страха, отчаяния и боли – самых сильных человеческих чувств. Тусклое дрожащее сияние клубилось у груди, похожее на светящийся туман. Магия не требовала лишних инструментов. Только воли, боли и чего-то живого.

Ломай! – донёсся приказной крик, и четвёртый удар, самый сильный, отшвырнул полотно двери внутрь светлицы. В проёме, окутанный клубами холодного пара, стоял человек.

Весняна вскинулась, отпрянула к оконцу, подняв обожженные руки в защитном жесте. Глаза судорожно зашарили по мужчине.

Он был высок, широк в плечах. Одежда явственно выдавала в нём волхва — длинная плотная рубаха с яркой опояской, ушитой красными оберегами, поверх рубахи — шкура непонятно какого животного. В одной руке он держал короткий, тяжёлый топорик-чекан, в другой — железный светец с тлеющей лучиной. Пламя выхватило из темноты его лицо — молодое, с жёстким, неподвижным ртом и глазами, которые сразу нашли её в полумраке. В этих глазах не было ни злобы, ни жалости, будто не живой перед ним человек, а вещь, которую князь велел принести. Только теперь вещь она и была — снедью для страшного колдуна.

Весняна не стала ждать, пока он переступит порог. Она вцепилась в ту самую клубящуюся в воздухе силу. Золотые отрывки нитей, словно лаская, прижались к пальцам, окутывали теплом. Весняна сосредоточилась и вложила в одно слово неистовое желание спастись, сбежать от злого рока.

— Путаница!

И сила ожила. Не сплелась, не соткалась знакомым узором — она рванулась от неё к порогу, как щупальце диковинного заморского спрута, мгновенно свиваясь в хаотичную, колючую сеть из полупрозрачных, бритвенно-острых нитей. Они заполнили весь проём, зацепились за косяки, за пол, за потолок, загораживая вход смертельной паутиной.

Страж, сделавший было шаг вперёд, отпрянул, выругался. Он резко отвёл руку с топориком, чтобы не задеть эту трепещущую завесу. Сквозь разорванный рукав показались тонкие порезы — с них тут же закапала кровь.

Его глаза в свете лучины сузились от удивления.

— Так вот как, — пробормотал он, и его голос прозвучал почти сочувственно. — Живую пряжу рвёшь без веретена, да без узора, глупая! Себя же погубишь.

Но Весняна его уже не слушала. Её захлестнула волна страшной, выворачивающей наизнанку усталости, ноги подкосились. Из носа потекли тёплые, солоноватые струйки. В глазах помутнело. Она поняла, что он прав — этим диким, неконтролируемым выбросом силы она рвала собственную душу. Но был ли у нее выбор?

Она отползла от очага, нащупала спиной стену и, держась за неё, поднялась на ноги. Сеть потихоньку теряла чёткость, нити по краям начинали таять, как утренний туман. У неё оставались считанные миги.

Она рванулась к своему сундуку. Откинула тяжелую кованую крышку и выудила шерстяной плат — укрыть голову от пронзительного ветра. На ходу завязала его концы поверх венца.

Потом бросилась к столу и ухватила узелок с перекусом, который ей принесли слуги на время наказания. За пазуху полетели и вещи первой надобности, что всегда лежали под рукой в княжьих покоях: кресало, кремь, пучок сушеного чертополоха. Если на пути встанет дворовой или теремной дух по приказу отца, травка поможет отвести глаза. Сжала в руке глиняный горшочек с солью.

Ножницы по-прежнему надёжно давили на пояс под одеждой.

Сзади слышался резкий, хрустящий звук — будто рвали грубый холст. Страж прорывал её «Путаницу». Он действовал не ярью — просто рубил завесу топориком, отступая от летящих во все стороны искр и режущих обрывков нитей. Его лицо покрылось мелкими порезами, рукава совсем изорвались, но волхв не издал ни звука. Темный твердый взгляд неотступно следил за ней, но больше он ничего не сказал.

Весняна метнулась к единственному окну. Она могла пролезть, но... высоко. Огни во дворе не жгли и в темноте казалось, будто под ней простирается пропасть. Прыгать в эту неизвестность было до смерти боязно. Руки задрожали. На секунду её сковал глухой, парализующий ужас: она заперта, у неё ничего не выйдет, сейчас волхв сделает последний шаг и сомкнёт пальцы на её плече. Что может сделать девица против обученного воина?

Наизнанку, да навыворот! — крикнула она старый заговор от морока, от страха, от всего. И бросила горсть соли в окно, в ночь. — Чур меня и страх и нечисть!

Она не знала, сработает ли это. Но соль была чистой, первородной силой, и в мире, где границы между Явью и Навью тонки, даже такой простой обряд мог сдвинуть что-то. За её спиной противным треском рвалась последняя преграда.

Весняна, не оглядываясь, вскочила на лавку под окном, ухватила за откосы. Подоконник скрёб ей бока, рвал дорогую ткань одежд, но она нашла наконец упор ногой, отпустила и прыгнула.

Ночи в ревун-месяц за стенами терема были не просто холодными — они были живыми, влажными, пропитанными ледяным дыханием приближающейся зимы. Она свалилась в холодную, мокрую от инея траву под стенами. От удара дух вышибло: выступили слёзы, из горла вырвался сиплый хрип. Весняна, скребя по земле дрожащими, израненными пальцами, поднялась на четвереньки. В голове звенело и гудело, перед глазами рябило, а тяжёлое чувство удушья грозило отнять последние силы.

Из окна за её спиной вырвался луч света и крик: «Стой!» И он как ничто подтолкнул её — вверх, на ноги, и бежать, бежать как можно быстрее. От волхва, от терема, ставшего тюрьмой, да от проклятой судьбы.

Она не оглянулась. Шерстяной плат чуть не слетел с головы, но поправлять некогда, и побежала. К глухой задней стене княжьего двора, за которой высился частокол, а за ним — Великая Урма.

Дремучий, старый лес, про который в «Летописце» писали: «Лесище то тёмное, а в нём пути-дороги только лешему знаемо».

Княжеские сапожки на тонкой подошве сразу промокли, насквозь пропитавшись ледяной росой. Тяжёлый опашень волочился по земле, подол нижней рубахи тянул вниз. Сзади, на стене, уже загремели рога — подняли тревогу, залаяли псы. Но лес близко. Через частокол да сто шагов по опушке.

Она добежала до забора, ошестинившегося острыми кольями, лихорадочно шаря в сумраке глазами в поисках лаза, через который девки бегали на опушку собрать для неё сладких лесных ягод. Нашла быстро, но как назло лаз был завален хворостом, треснутыми брёвнами и землёй для защиты от зверья.

Она бросилась растаскивать ветки и брёвна руками, откидывая землю мыском сапога. Колючки и занозы впивались, бередили свежие ожоги, но она почти не чувствовала боли. Сзади уже слышались крики и лай собак, приближающиеся с двух сторон.

Последнее бревно она откатила в сторону и протиснулась в узкую, пахнущую сыростью дыру под частоколом. Опашень зацепился за сучок, она дёрнула, раздался звук рвущегося сукна — но она была на той стороне. Ещё немного и там уже не найдут. Не сразу.

Весняна ускорилась, из последних сил влетая в чащу, но тут же споткнулась о ближайшую корягу и кубарем пролетела ещё несколько шагов, сдирая лицо о мелкие камешки, торчащие корни и жухлую траву.

Хотелось лечь и разрыдаться от подступившего отчаяния, но страх подгонял, давал ещё немного сил и воли.

Её повело, голова шла кругом, теплая кровь заливала ворот одежд. Дрожа, едва не падая, Весняна как могла побрела дальше, глубже в лес. От её ладони тянулась тонкая, дрожащая ниточка Яри, наполненная неистовым желанием: скрой, спрячь, убереги.

Шла недолго, то и дело спотыкаясь, но даже малый путь показался израненной княжне вечностью.

Заприметив в неярком лунном свете подрыв под корнями ели — достаточно широкий для неё, — она миглом туда забилась. «Малость переведу дух и пойду дальше», — убеждала она себя.

Холод пробирал до костей даже сквозь опашень, от страха била дрожь, и Весняна не сдержалась — потекли первые горячие слёзы. Она судорожно зажала рот, — не привлечь бы погоню, — всхлипывая и стеная от враз навалившейся усталости и мучивших тело ран.

Сжавшись под корнями, она оплакивала свою горькую долю. Душа рвалась на части от предательства — князь всегда был холоден, но чтобы так равнодушно отправить её на жертвенный алтарь?.

Этого Весняна никак не ожидала. Всю жизнь она собирала крупички его ласки, словно чужеземные жемчуга: внимательные подарки, лучшие яства со всего знакомого мира, свободу, которой не было у иных княжен.

На каждый его угрюмый взгляд, на каждое строгое наказание она вспоминала, как однажды батюшка погладил её по волосам и сказал:— Быть тебе княгиней, уделом править до конца жизни. Хлебнёшь и горя, и бед полную чарку. А пока веселись, дитя, бегай по ярмаркам да по ягоды с дворовыми девками. Твоя мать... Княгиня Мария, грезила, чтобы росла ты лучше иных и познала много счастья.

Знал ли он тогда, что минёт несколько лет и он сам запрёт дочурку в тереме? Знал и «откармливал» для Кощея? Дабы больше отдать могла...

От таких горьких мыслей Весняну тряхнуло — отчаянно хотелось верить, что когда-то батюшка всё же желал ей иной судьбы.

Вскоре рыдания утихли — не осталось сил. Попробовав было встать, княжна с отчаянием поняла, что не может. Передышка оказалась ловушкой — тело сковали холод и усталость, даже рук не поднять. Обречённо опустив голову, она принялась всматриваться в пугающий сумрак.

Стволы вековых елей и сосен стояли чёрными, безмолвными стражами. Ветви сплетались над головой в непроглядный полог, сквозь который не пробивалась ни одна звезда. Воздух стоял неподвижный, мёртвый, и пахло хвоей, гниющим деревом и чем-то словно звериным.

Теперь она слышала звуки. Отовсюду доносилось уханье, скрип, жуткие вскрики неведомой твари, словно младенец плачет. Рядом что-то шуршало, заскребли коготки, оборвался мышинный писк. Вдалеке завывали волки.

Весняна замерла под корнями. Её била мелкая, неконтролируемая дрожь. От холода, от страха, от истощения. Из носа ещё сочилась кровь; она вытерла её рукавом — на дорогой ткани опасна осталось тёмное, ржавое пятно.

Она сделала несколько глубоких, неровных вдохов, пытаясь успокоить бешеный стук сердца и выровнять наконец дыхание. Нужно идти, ещё немного — и её догонят, нельзя оставаться на самом краю леса. Нужно уходить как можно дальше и глубже. Но куда?

Она знала это лесище только по отцовским чертежам и по страшным историям из книг. Здесь водились лешие, кикиморы болотные, волки-оборотни. И ещё — люди. Банды беглых, лихие люди, охотники за головами. Княжна в дорогах, хоть и изорванных одеждах, одна в ночном лесу, станет для них лакомой добычей.

Но даже лютые разбойники и навьи твари пугали её меньше, чем участь Кошечевой невесты. Возвращаться нельзя. Если она хочет жить свободно, не подчиняясь ничьей воле.

В памяти вдруг всплыло старое правило из «Летописца»: «В неизвестном лесу ищи текучую воду. Ручей не оставит в чащобе на съедение духам». Эта мысль заставила её шевелиться. Она осторожно выползла из своего убежища на четвереньках, сжимая зубы от вспыхнувшей в ладонях боли.

Она прислушалась. Сквозь шум в собственных ушах ей почудился слабый, едва уловимый звук — тихий шорох бегущей воды где-то справа.

Она ползла на звук, шаг за шагом, пока тело не согрелось и не появились крохотные силы встать. То и дело опираясь на стволы, пошатываясь из стороны в сторону, она продиралась сквозь бурелом и колючий кустарник. Тонкая шёлковая рубаша под платьем быстро промокла от пота и ночной влаги и теперь ледяной плёнкой прилипла к телу. Подол её цеплялся за каждый сучок, рвался о коряги. Дорогие сапожки из мягкой кожи быстро превратились в две ледяные, налитые водой колодки. Только опашень хоть как-то спасал от пронизывающего ветра, пробивавшегося сквозь деревья.

Она шла долго — время в лесу потеряло смысл. Звук воды стал громче, и вот показался мелкий, каменистый ручей. Лес вокруг него слегка редел, позволяя слабому свету луны пробиться сквозь кроны. После непроглядной темноты чащи эта полянка казалась яркой как день. Она было с жадностью припала к ручью, но прежде сунула палец и капнула туда из горшочка щепотку оставшейся соли — «на очищение». Потом пила, захлёбываясь, ледяную, до зубной боли, воду. Даже голод немного утих.

На противоположном берегу ручья виднелась небольшая прогалина, а на ней — тёмный, бесформенный холм. Присмотревшись, Весняна поняла — это старая, заброшенная охотничья землянка. Скорее всего, бортничья, для летнего проживания. Крыша провалилась, стены покосились, но это хоть какое-то укрытие.

Она перешла ручей по скользким, обледеневшим камням, едва не упав несколько раз, и подошла к избушке. Дверь, вернее, её остатки, висели на одной петле. Внутри пахло плесенью,

мышами и пеплом — кто-то тут был не так давно. Может, те же охотники. А может, и не охотники.

Но выбора не было. Она втиснулась внутрь, не имея сил сдвинуть старую дверь. Темнота внутри — хоть глаз выколи. На ощупь она нашла глиняный, холодный очаг в центре, а рядом — кучу сухого хвороста и бересты, оставленную заботливыми прошлыми гостями. Вот теперь пригодились кресало и кремень из узелка.

Её обожжённые в золе руки плохо слушались, пальцы дрожали. Она сыпала искру на клочок сухого трута, раздувала его слабым дыханием. Раз, другой, третий... Наконец появился крошечный тлеющий уголёк. Она, затаив дыхание, перенесла его в кучку бересты и сухих сосновых иголок. Задрожал первый, робкий язычок пламени, и вскоре огонь разгорелся, осветив жалкое внутреннее убранство низкой избушки: полатей не было, лишь грубо сколоченный стол и такие же лавки да чёрные от сажи стены.

Тепло было самым желанным, самым прекрасным чувством на свете. Весняна сбросила промокший опашень и, дрожа, разделась до рубахи, повесив платье на жерди у огня сушиться. Сложила возле роскошные украшения: золотый пояс, венец, наручи, и сняла плат, позволив косе свободно лежать на грязном полу. Сапоги стаскивались с околевших ног с огромным трудом. Ступни под чулками оказались белыми, почти синими от холода, с множеством ссадин и царапин.

Она села как можно ближе к огню, закутавшись в слегка подсушенный опашень. Но голод не давал покоя, живот сводило, и к горлу подступала тошнота. Обед Весняна пропустила в знак протеста отцу, да и к завтраку почти не притронулась, а колдовство забрало последние силы. Она порылась в своём узелке. Кроме кресала там нашлись две черствеющих, но ещё мягких лепёшки и горсточка сушёных ягод. Пища скудная, но она съела всё — медленно, смакуя каждую крошку, запивая водой из ручья, которую принесла в забытом у землянки полугнилом туюске.

Постепенно дрожь утихла, вернулась ватная слабость, но засыпать было страшно. Нужно думать, что делать дальше. Куда идти? Она, княжна, умеющая читать древние тексты, прясть да вышивать магические узоры, не знала простейших вещей: как ловить рыбу, как ставить силки на дичь, как отличить съедобный корень от ядовитого. Её знания были бесполезны здесь, в лесу.

Чем поможет её Яр?

Она посмотрела на огонь. На его живой, постоянно меняющийся язык. Её учили, что «живая пряжа» могла рождаться не только из собственной души, но и из природы, ведь всё на земле создано богами и во всём их сила, а Яр — их дар. Но когда она просила научить прясть из нитей огня, волхв Квасимир только отечески похлопывал её по голове: «Не торопись, княжна, Яр — не просто колдовство, она из жизни рождается. Неумело истратишь — срок жизни сократишь.»

И до сих пор дар, за который её восхваляли, за который умерла матушка, оставался для неё почти неизведанным. И теперь она знала почему — он лишь залог мира и всегда предназначался для Кошца. Но это была часть неё, сама её суть, и Весняна не могла возненавидеть эту силу.

А значит, надо учиться чувствовать её как тогда, в светлице, но теперь — через тепло и любовь, через живое и божественное.

Она протянула к огню дрожащую руку. Просто подержала ладонь рядом, чувствуя жар. Закрыла глаза, попыталась унять остатки страха, отчаяния и гнева. Вместо этого она начала вспоминать простое тепло печи в светлице, запах печёных яблок, который шёл из поварни по осени, мягкий свет лампы на её столе, когда она читала. Что-то простое, греющее изнутри, тянущееся из её души к пальцам. Тонкое, золотистое, послушное. Как луч солнца, пойманный в кулак.

Она открыла глаза: между ладонью и пламенем дрожала тончайшая, светящаяся жарким золотом нить. Она была тёплой на ощупь, почти невесомой.

Весняна осторожно перехватила её другой рукой, наматывая на пальцы, словно на веретено. Это была настоящая, живая пряжа, рождённая из кострового огня и её воспоминаний — не такая сокрушительная, как та, что вырвалась из ярости у двери, но и не несущая гибели. Что можно сотворить с этим крохотным лоскутком?

Княжна посмотрела на свои исцарапанные, окоченевшие ступни. Идея пришла сама собой. Ей нужен не сложный оберег, а простое спасение от холода. Весняна принялась бережно водить золотым кончиком над онемевшей кожей. Сила не ткалась и не вязалась — она ложилась невесомой паутиной, прилипая к телу и укрывая его согревающим слоем. Покалывание медленно уступило приятному теплу. Это был простейший бытовой узор — «Теплец», только вышитый на этот раз не на холсте, а прямо по плоти.

Работа заняла у неё, может, половину часа она не знала, время слилось в один миг, одновременно бесконечный и краткий. Когда она закончила, её ноги, всё ещё в ссадинах, больше не мёрзли. Силы, потраченные на простое узорное плетение, были ничтожны по сравнению с диким выбросом в тереме. Ей не полегчало, но и хуже не стало.

Она перевела взгляд на свое промокшее платье, висевшее у огня. Что, если попробовать вышить «Теплец» на ткани? Сплести Ярь с обычной ниткой. Она стащила одежду с жерди на колени.

На внутренней стороне, у ворота, шов слегка разошелся. Весняна распорол его сильнее и вытянула золотые волокна — жалко, но такие роскошные одежды носить в лесу и опасно, и глупо. Потом снова вызвала из огня тонкую струйку «теплой» пряжи и осторожно начала сплетать.

Это давалось куда тяжелее. Весняна чувствовала, как напрягается разум, пока два разных вещества — осязаемое и яркое — пытаются срастись, стать единым целым. Но пальцы, привыкшие к многодневному рукоделию, двигались сами, послушно завязывая узелки и сплетая косу.

Наконец у неё в руках оказалась короткая, налитая силой нить. Одна сторона её была обычным шёлком, другая — светилась слабым золотистым светом. Инструментов для рукоделия не было, и Весняна использовала свои тяжёлые ножницы: острым концом лезвия проделала дырочки в подкладке опашня у груди, а после пальцами протянула сквозь них пряжу. Она вывела простой знак — колесо, символ солнца и жизни.

А когда закончила и накинула тёплое сукно на высохшую рубаху, то сразу почувствовала разницу. От груди по всему телу разлилось слабое, но ощутимое тепло. Как будто она прижала к себе маленькую печку. Ей даже показалось, что гул в голове стал тише, а изнуряющая усталость немного отступила.

Она подбросила в очаг ещё хвороста, устроилась поудобнее на полу, поплотнее закутавшись в меховой опашень. Спать по-прежнему было страшно — лес вокруг дышал звуками: скрипели вековые стволы, шуршала палая листва, а издали доносился протяжный вой — волка или кого похуже. Но теперь у неё были тепло и надежда. Она смогла выжить в эту ночь и научилась прясть из самой Яри настоящую защиту.

Княжна беззвучно возносила благодарности богам и навским тварям за то, что в сторожа к её дверям не приставили воеводу Тугара.

Волхв и вполтину не был так силен — четыре удара выдержало дерево, а Тугар-богатырь снёс бы всё с одного замаха. Вспомнилась и его ученица — Стояна Горча, дорогая молочная сестра, что сейчас несла службу на дальней заставе. Уж два лета прошло, как они не виделись. Последнюю весть гонец доставил ещё в начале ревун-месяца; тогда сестра предупреждала, что ответа ждать нескоро — на рубежах неспокойно. Приближалась зима, и степные кочевники вновь готовились к набегам на дальние земли княжества.

«Теперь уж вряд ли свидимся», — с горечью и тоской подумала Весняна, глядя на танцующее пламя. Веки слипались, но мрачные думы о будущем не давали забыться. Ей нужно найти дорогу к людям, но так, чтобы не попасть к княжеским гридням или в лапы разбойников. Нужно отыскать место, где её никто не узнает. Где-то далеко на рубежах или вовсе за ними, а для этого надобны описание путей, надёжный проводник, еда, прочное платье и сухая обувь...

Но первая, самая страшная ступень пройдена. Она на свободе, и назад дороги нет. И где-то там, в тёмной чаще, возможно, уже идет по её следам тот самый страж с угрюмым, холодным взглядом. Волхв-чуровец. Человек, для которого её поимка — лишь очередной договор.

Весняна потуже обернулась в сукно, положив под голову узелок с нехитрыми пожитками. Завтра будет новый день, а пока пусть горит огонь. Пусть согревает её самодельный оберег. И пусть духи леса, если они есть, видят, что она — не просто испуганная беглянка. Она — Весняна Всеславна. И у неё есть дар, который теперь принадлежит только ей, а не княжеству, роду или Кощею.

С этой мыслью, под вой ветра в прогнивших стенах и треск прогорающих сосновых иголок, она наконец сомкнула глаза. Ночь, холодная и бесконечная, продолжалась.

Урма — тёмный, глухой, дремучий хвойный лес или заболоченная тайга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.